

ПАЛЕОНТОЛОГИЯ

М. В. КУЛИКОВ

**НОВЫЕ ДАННЫЕ О БРАХИПОДАХ ТЕРРИГЕННОЙ ФАЦИИ
КУНГУРСКОГО ЯРУСА НА ЗАПАДНОМ СКЛОНЕ УРАЛА**

(Представлено академиком П. И. Степановым 20 XII 1946)

Проблема кунгурского яруса, его существования, объема и границ — верхней и нижней — подвергается детальному обсуждению. За последнее время наметилась тенденция, ставящая под сомнение самостоятельное существование кунгурского яруса. Сторонники ликвидации этого яруса в качестве основного аргумента выставляют отсутствие нового этапа в эволюции фауны и смотрят на фауну кунгурского яруса как на реликтовую, остаточную, вымирающую фауну верхнего карбона, в которой нет новых элементов. Такое представление сложилось на основании работ П. Кротова (2), А. Краснопольского (1), Н. Романова (3) и А. Штукенберга (4), опубликованных в конце прошлого столетия, которыми пользуются до настоящего времени. Однако сведения этих авторов сильно устарели.

Из работ вышеназванных авторов установлено описание таких форм кунгурского яруса, которые являются характерными формами нижнекаменноугольных отложений. К ним относятся: *Spirifer trigonalis* Mart., *Schizophoria resupinata* Mart., *Productus longispinus* Sow., *Pr. scabriculus* Mart., *Pr. semireticulatus* Mart., *Pr. inflatus* Mc'Coу и др.

Так, на основании устаревших определений, не соответствующих современной систематике, за последние годы при рассмотрении стратиграфии и палеогеографии нижней перми западного склона Урала стали строить широкие обобщения, в которых отрицалась специфичность фауны кунгурского яруса. Такое мнение, получившее широкое распространение, построено без особых на то оснований, так как фауна кунгурского яруса никем не изучалась.

В 1946 г. я приступил к монографическому изучению брахиопод кунгурского яруса западного склона Урала. Ввиду большого материала, собранного проф. М. М. Толстихиной из терригенных отложений кунгура, развитых на р. Косьве, ниже д. Шестаков, я в первую очередь изучил брахиопод этого района.

Эти отложения, отнесенные еще А. Краснопольским к более молодым отложениям, чем артинские, отличаются от последних специфичностью состава фауны. Если терригенные осадки артинского яруса, обнаженные по р. Косьве несколько выше д. Шестаков у речки Халдиной, содержат аммоней, то в кунгурских отложениях комплекс фауны совсем иной. В них в большом количестве представлены брахиоподы и пелециподы, имеющие наибольшее сходство с фауной карбонатных пород кунгурского яруса; аммоней в этих отложениях отсутствуют; нет в них и фузулинид, имеющих широкое распространение в терригенных отложениях артинского яруса.

В результате определения брахиопод из терригенных отложений

кунгурского яруса устанавливается их видовой состав, несколько отличный не только от верхнекаменноугольных, но и от брахиопод артинского яруса. Приводимый ниже видовой состав брахиопод в достаточной степени подтверждает несостоятельность аргументов о простом их обеднении, без изменения и появления новых форм.

Из кунгурских отложений у д. Шестаков мною определены следующие виды брахиопод: *Septacamera plicata* Kut., *S. hofmanni* Krot., *Wellerella osagensis* Swall., *Wellerella* sp. nov., *Rhynchopora nikitini* Tschern., *Camarophoria biplicata* Stuck., *C.* cf. *culoensis* Netsch., *C.* sp. ind., *Athyris (Cleiothyridina) pectinifera* Sow., *A. (Cleiothyridina)* cf. *pectinifera* Sow., *A. (Cleiothyridina) semiconcava* Waag., *A. (Cleiothyridina)* sp. ind. *Hustedia remota* Eichw., *Spiriferina cristata* Schloth., *Spirifer shestakensis* sp. nov., Sp. sp. ind. (близкий к *Sp. blasii* Vern.). *Streptorhynchus licharewi* sp. nov., *S. licharewi* var. *lata* sp. et var. nov. *Derbya grandis* Waag., *D. regularis* Waag., *Meekella exima* Eichw., *Rhipidomella permiana* sp. nov., *Chonetella sinuata* Krot., *Productus polaznae* sp. nov., *Dictyoclostus volkovi* Frdcks, *Dictyoclostus* sp. ind., *Waagenoconcha irginae* Stuck., *Waagenoconcha* sp. ind., *Avonia* (?) sp. ind., *Linoproductus coraeformis* sp. nov., *L.* (?) cf. *aagardi* Toula, *Cancrinella cancrini* Vern., *Marginifera posturalica* sp. nov., *M. transformis* sp. nov., *M. mutilus* sp. nov.

Таким образом, из 27 видов брахиопод, определенных нами по сборам М. М. Толстихиной в кунгурских отложениях у д. Шестаков, одна треть, т. е. 9 видов (напечатанные в приведенном перечне жирным шрифтом), — новые, которые раньше определялись как верхнекаменноугольные и даже нижнекаменноугольные виды.

Сам факт выделения такого числа новых видов говорит о том, что фауна эта в свете новых данных не изучалась.

Выделенный нами в новый вид *Spirifer shestakensis*, представленный 18 экземплярами, раньше определялся как *Spirifer striatus* Mart. или *Sp. cameratus* Mart., тогда как кунгурская форма от этих видов резко отличается. *Streptorhynchus licharewi* с вариегатом *lata* раньше относился к *Streptorhynchus pelargonatus* Schloth. Выделенная нами *Rhipidomella permiana* sp. nov. по имевшимся 775 экземпляров раньше определялась как *Orthis resupinata* Mart. Новый вид *Productus polaznae* определялся то как *Pr. semireticulatus* Mart., то как *Pr. inflatus* Mc'Coу, то как *Pr. lassalensis* Worth., а иногда эту форму относили к *Pr. neoinflatus* Lich. Имеющиеся из д. Шестаков 35 экземпляров позволяют отнести эту форму к новому виду — *Pr. polaznae*. Формы из кунгурских отложений западного склона Урала очень часто относят в большом количестве к *Productus cora* d'Orb. Только имеющиеся из Шестаков 49 экземпляров *Pr. „cora“* позволяют отнести эти коровые формы к новому виду *Pr. coraeformis*. Существенное и постоянное отличие кунгурских форм от боливийских типичных *Pr. cora* заключается как в характере выпуклости раковины, так и в некоторых элементах скульптуры. Если боливийские *Pr. cora* на брюшной створке несут иглы и около них нарушается прямолинейная струйчатость, то у кунгурских форм иглы отсутствуют и струйчатость не нарушается. Этот признак — постоянный на всех 49 экземплярах.

Из этих же отложений за последние годы указывалось *Marginifera uralica* Tschern. Просматривая сходные с этой формой экземпляры из д. Шестаков в количестве 116 экземпляров, нам удалось убедиться в существенных постоянных отличительных признаках. Для кунгурских экземпляров очень характерна резкая ребристость и глубина синуса, отсутствующие у *M. uralica* Tschern. Это дало основание к отнесению шестаковских экземпляров к новому виду — *M. posturalica*. Некоторые формы, имеющие на первый взгляд большое сходство с *M. septentrionalis* Tschern., однако, отличаются от этого, помимо

синуса, почти полным отсутствием ребер на брюшной створке. Такое существенное отличие удалось наблюдать на 122 экземплярах *M. transformis* sp. nov.

Появление новых видов брахиопод в терригенной фации кунгурского водоема дает основание предполагать, что этот, в значительной степени специфичный, бассейн был не только местом вымирания старых видов, но одновременно в нем формировались новые виды, имеющие, на первый взгляд, очень большое сходство с видами артинскими и верхнекаменноугольными. Не исключена возможность, что когда приступят к изучению пелеципод, мшанок и фораминифер, то и эти фауны дадут много нового, совершенно отличного от фауны артинского яруса. Большое число видов брахиопод и пелеципод, встречающихся в кунгурских отложениях Урала и в отложениях казанского яруса Русской платформы, с одной стороны, позволит еще больше сблизить эти фауны, а с другой, — выделить типично кунгурский комплекс морских беспозвоночных животных.

Всесоюзный геологический институт
Ленинград

Поступило
20 XII 1946

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

¹ А. Краснопольский, Тр. Геол. комитета, 11 (1889). ² П. Кротов, Тр. О-ва естествоисп. при Казанском ун-те, 13, 51 (1885). ³ Н. Романов, *ibid*, 21, 6 (1898). ⁴ А. Штукенберг, Тр. Геол. комитета, 16, № 1, (1898).